

Снаружи по-прежнему бушевала вьюга, лишь витающий в воздухе аромат вина, подхваченный ветром, мгновенно исчезал без следа. Оба уже вошли в дом.

Да Инлоу, опершись локтем на стол, отхлебнул вина, проявляя редкостную сдержанность:

— Я вот что задумал: если ты действительно уйдешь, то это место не достанется Второму господину.

Хуа Сюй, державший в руке чашу, слегка замешкался:

— Я думал, что по сравнению с волчьей натурой старшего брата, второй господин уже кажется более мягким.

— Вот потому-то ты, юный господин, и молод еще. Ты видишь лишь его неустойчивый характер, кажущуюся мягкость, но если в его сердце нет намерений, как другие смогут его поколебать? То, что он хочет, он не выражает прямо, а вместо этого позволяет другим говорить за него. Такие люди самые опасные... Юный господин, впредь будь осторожен...

Да Инлоу ткнул пальцем в грудь Хуа Сюя:

— Человеческое сердце бездонно, и им управляют желания. Если человек искренен в своих намерениях и его слова соответствуют делам, то такого человека стоит уважать. Но мир привык скрывать, и есть те, чьи слова и поступки неискренни... Поэтому я хочу сказать, что все это не имеет к тебе отношения. Я лишь надеюсь, что ты будешь самим собой и проживешь жизнь без сожалений.

— Быть самим собой и прожить жизнь без сожалений...

Хуа Сюй повторил эти слова про себя, обдумывая их.

Видя его задумчивость, Да Инлоу усмехнулся:

— Неужели ты думаешь, что я, как учитель, ненадежен? Раньше я учил тебя интригам и хитростям, а теперь учу честности и прямоте. Ты считаешь, что я тоже лицемерен и коварен? А?

С этими словами он забрал у Хуа Сюя чашу, заставляя того смотреть на себя, и ухмыльнулся, как подросток.

Хуа Сюй, чувствуя себя неловко, придержал чашу:

— Учитель, зачем так себя принижать? Я не глуп и понимаю, что учитель...

Он притворно вздохнул:

— Эх... Ты так рассудителен, что мне и вправду становится немного жаль тебя отпускать...

Только тогда Хуа Сюй уловил в словах собеседника нотки скрытой искренности. Ему почти нечего было ответить.

Тут Да Инлоу, чувствуя неловкость, произнес:

— Эй, не смотри на меня так, будто мы прощаемся как влюбленные. Я просто хочу сказать, что в будущем ты окажешься в месте, где не будет столько интриг и опасностей. Ты сможешь быть

собой, и только искренность сможет привлечь искренность...

Хуа Сюй поднял чашу в его сторону:

— Благодарю за наставления, учитель.

— Так когда ты собираешься снять эту маску?

Услышав это, Хуа Сюй потрогал свое лицо и с иронией произнес:

— Маска надета так долго, что я уже привык и непроизвольно стал думать, что выгляжу именно так...

Да Инлоу удивился:

— Ты считаешь себя уродливым?

— ...Наверное, я слишком похож на отца.

— Глупый мальчишка~ Почему бы тебе не поискать в своем лице черты матери? Даже одна хорошая черта может компенсировать все недостатки...

Хуа Сюй с облегчением улыбнулся:

— Да, я раньше был слишком узколобым.

— Ну, вот видишь... Давай пить, пить, сегодня я не буду сдерживаться...

Зимний день был бесконечным, но вьюга все же утихла. Когда Хуа Сюй открыл глаза после пьянки, он понял, что оказался в другом месте. Комната была скромно обставлена: стол, стул, кровать и шкаф. На южной стороне было окно с резными узорами, но оно было разбито. Вокруг царил тишина, не слышно было ни звука, лишь слабый запах дров. Голова раскалывалась от боли. Поднявшись с кровати и потирая виски, он заметил письмо, прибитое к деревянной стойке у изголовья.

— На пороге расставания я вдруг почувствовал, что слов не хватает. Перо кажется тяжелым, и я чувствую, что не все сказал, но не знаю, с чего начать. Внезапно я усмехаюсь: юный господин, с твоим острым умом и хладнокровием, ты справишься. Мир велик, но всегда найдутся добрые люди. Теперь я лишь желаю тебе счастливого пути и мира... Учитель.

Он улыбнулся, аккуратно сложил письмо, глубоко вздохнул и вышел за дверь. Снаружи простирались бескрайние леса, воздух был пронизан холодом снега. Сердце Хуа Сюя вдруг наполнилось ясностью — наконец-то он начнет жить по-настоящему...

Первой остановкой Хуа Сюя стал городок Юаньфан. Стоило ему сделать первый шаг за порог, как он вспомнил это место. Не из-за слухов, а просто потому, что хотел найти одного человека, и не для себя.

В письме говорилось лишь о зловонии, и он не хотел лично в этом убедиться. Но теперь он понял, что нужно верить своим глазам, а не слухам. Уже на въезде в городок его поразили ряды аккуратных домов, каждый из которых был непохож на другие. Хотя он и не видел, как выглядел Юаньфан раньше, он почувствовал, что все здесь обновилось.

Солнце клонилось к закату, и у каждого дома перед входом лежали кучи почти растаявшего

снега. На кирпичных стенах висели связки красного перца, что в зимнем пейзаже создавало атмосферу праздника. За дверьми не было высоких стен, лишь низкие заборы. У Хуа Сюя был острый взгляд, и он заметил двух женщин, стиравших белье в своих дворах. Они смеялись и болтали у деревянных тазов с горячей водой, а рядом с ними ребенок плескался в воде...

Несмотря на поздний час и уже появившуюся на небе вечернюю зарю, на севере все еще толпились люди, которые ходили от прилавка к прилавку, торгуясь. За прилавками стояли ухоженные лошади, и если кто-то проявлял интерес, его сопровождал конюх... За короткое время мимо него прошло несколько человек, ведущих лошадей из города, и все они говорили с восторгом.

Действительно, времена меняются. Но больше всего его радовало то, что это место вызывало у него чувство близости. Люди здесь были так открыты и дружелюбны.

Он глубоко вздохнул и направился вглубь города. Вскоре к нему подошел человек с улыбкой:

— Прошу прощения, господин, вы приехали купить лошадь?

— Я...

Он немного растерялся, столкнувшись с такой откровенной доброжелательностью. Это было так непохоже на его прежнюю жизнь.

— Неважно, господин, можете просто посмотреть, покупать не обязательно.

Худощавый человек с улыбкой пригласил его внутрь.

— Благодарю.

Он кивнул с улыбкой и пошел дальше.

Лошади были действительно прекрасны: с блестящей шерстью, бодрым взглядом, фыркали и нетерпеливо били копытами о землю. Осмотрев их, он направился на восток, наслаждаясь прогулкой. Вдруг до его ушей донесся разговор.

— Спасибо брату Яню, наш конный рынок стабилизировался. Но нельзя исключать, что в будущем возникнут проблемы, поэтому нам нужно быть готовыми ко всему. Подарки — это тоже вариант...

— Какая тут готовность ко всему? Не верю, что купцы, получив выгоду, станут кусать руку, которая их кормит. У нас низкие цены, а качество лошадей на высоте. Сейчас все любят дешевизну, так что, если мы предлагаем качество за малую цену, бизнес будет процветать!

— Вот ты и коротко мыслишь. Ты думаешь, только в Юаньфане торгуют лошадьми? В великой династии Чэнь таких, как мы, множество. Не стоит зазнаваться. Просто поддерживай хорошие отношения со всеми, чтобы избежать конфликтов и давления. Иначе все наши усилия пойдут прахом. Так что подарки нужно делать!

— Как хотите, мне все равно. Эти споры только голову морочат. Пусть братец Тун решает, зачем меня сюда тащить? Я еще не выспался...

Этот голос...

В комнате вдруг наступила тишина, и сердце Хуа Сюя заколотилось. Владелец этого голоса был

старым знакомым — он все еще здесь?

— Решайте сами, а я сегодня ухожу. Вечно эти собрания, собрания... Раньше я их проводил, а теперь и здесь от них нет покоя. Просто скука...

Хуа Сюй слышал приближающиеся шаги и зевок, но почему-то не стал прятаться. Когда Янь Юаньшу открыл дверь, его взгляд упал на спокойное и чистое лицо, и он словно увидел огонек в снежной пустыне. Сердце его сильно забилося...

Он невольно пригляделся к этому человеку. Его одежда была проста: белый прямой халат с застежкой на груди, подпоясанный светло-голубым поясом. На нем не было ни ароматного мешочка, ни украшений, лишь в руке он держал зеленый складной веер. Простота сочеталась с изысканностью, но больше всего Янь Юаньшу поразили его глаза — спокойные и безмятежные. Он смотрел на него, но в его взгляде не было ни любопытства, ни удивления, словно он просто изучал его, желая узнать, как у него дела...

<http://bllate.org/book/16872/1554987>